

ВЕРСИЯ КОМПОЗИТОРА
Илья. правда - 1993. 24 апр. - с. 8.
Несостоявшийся
театральный
роман

Несостоявшийся театральный роман

НАЧАЛО НА 1-й СТР.

К известному композитору Марку Минкову меня привел конкретный повод. В первых числах февраля Театр имени Моссовета показал премьер «Белой гвардии» (Дней Турбиных). В интервью московскому телевидению, как мне пересказывали, главный режиссер театра и постановщик спектакля Павел Хомский сообщил, что театр готовился к премьере музыкального спектакля по опере М. Минкова, но из-за несовершенного либретто отказался от этой идеи и выпустил драматическую постановку.

— Так что же случилось, Марк Анатольевич?

— Я хочу рассказать правду. Либретто здесь абсолютно ни при чем. Просто это произведение оказалось Хомскому не по силам. Но по порядку.

Оперу «Белая гвардия» по одноименному роману и пьесе Ю. Рыбчинским закончили два года назад. И, как водится в таких случаях, накануне 100-летия со дня рождения Михаила Афанасьевича...

насьевича Булгакова, мы получили массу различных предложений из различных театров тогда еще единой страны о постановке оперы. Зная, что театр Моссовета уже обращался к этому музыкальному жанру («Иисус Христос — суперзвезда»), мы с Рыбчинским остановили свой выбор на этом коллективе. С этого момента начинается мой «театральный роман». Театр горел желанием поставить оперу, я — тоже. Мне казалось: завтра, ну, послезавтра мы сядем с Павлом Осиповичем Хомским, выработаем концепцию спектакля, я познакомлюсь с актерами, с музыкальными педагогами, и начнется счастливая, трудная работа. Но жизнь распорядилась иначе.

Работа со мной началась с договора, который я подписал, не взирая на юридические погрешности, так как перспектива работы над спектаклем была для меня важнее. Юрий Рыбчинский тоже подписал договор. В эйфории ожидания предстоящего счастья мы не обратили внимания на абсолютно разные договоры и на слова директора театра Л. Лосева, что, дескать, не надо бы вам рассказывать друг другу об их содержании. Мы не поняли тогда, что работа сразу началась с обмана. Например, в моем договоре не было упомянуто слово «опера», так как, по словам директора Лосева, театр Моссовета как драматический не имел права заключать договор на постановку оперы. А договор Рыбчинского был заключен на инсценировку романа «Белая гвардия». Неплохо. Инсценировка романа «Белая гвардия», когда есть «Дни Турбиных»...

Время шло. Мы были связаны обязательствами с театром, а там не спешили приступать к репетициям, и я поэтому не мог начать запись фонограммы с учетом конкретных исполнителей. Наконец в сентябре 1992 года репетиции начались (через полтора года после нашего с Хомским знакомства). И каково же было мое изумление, когда я случайно узнал, что Хомский начал репетиции, ни разу со мной не встретившись, не рассказав мне о решении спектакля, да и на репетиции постановщик старался меня не пускать. Причины странного поведения главного режиссера вскрылись скоро.

Хомский вставил в оперу 18 страниц прозы Булгакова, утаив это от авторов.

Тем самым были нарушены авторские права в части целостности произведения и изменен его жанр. Узнав об этом, мы запретили театру постановку нашего произведения. Вот такая в общих чертах картина.

Как бы в стороне от конфликта остался заведующий музыкальной частью А. Чевский, который, как я считаю, главный виновник случившегося. Вместо того чтобы отстаивать музыкальную целостность спектакля, он, решив не ссориться ни с кем из начальства, занимал абсолютно непонятную цинично-равнодушную позицию.

— Марк Анатольевич, какого жанра ваше сочинение? Ходили разговоры, что это рок-опера.

— Это не рок-опера, так как ситуация и время, в которое происходят события, требовали другого музыкального воплощения. Да и рок, на мой взгляд, явление для России достаточно чужеродное. Мелодическая основа произведения сугубо национальна. Она идет от русской классической традиции, от бытовой музыки начала века. Я уверен: прозвучи это произведение, его растаскают на шлягеры. Да уже есть такие попытки. 13 февраля по телеканалу «Останкино» в программе презентации московского благотворительного актерского фонда певица Ирина Шведова исполнила вальс из моей оперы, причем исполнила крайне неудачно. Я ей не давал разрешения на исполнение этого произведения. Я в ужасе. Правосознание общества нулевое, и как запретить пиратство, я не знаю.

— Ну, а как все-таки начиналась ваша работа с моссоветовцами?

— Начало работы произошло примерно через год после того, как Хомский заявил, что театр берет это произведение. По просьбе театра мы дописали несколько номеров, и эти дописки улучшили вещь в целом. Вот и все хорошее, что я вынес из общения с театром. Остальное же — за гранью разумного. На одной из первых встреч, когда артисты начинали разучивать свои музыкальные партии, одна актриса, назначенная роль Юлии Рейсс, заявила, что она непременно хочет петь мою песню «Монолог» на стихи М. Це-

таевой («Уж сколько их упало в эту бездну»). Рядом со мной стоял и молча наблюдал за всем происходящим режиссер. Я сказал в ответ, что я эту артистку на роль не назначал, но если уж ей так хочется спеть эту песню, то я просил бы ее спеть и другую мою песню из телефильма «Следствие ведут ЗнаТоки», потому что они обе имеют к «Белой гвардии» одинаковое отношение. Я полагал, что разговор окончен. Однако почти через год Хомский заявил мне, что он придумал финал первого действия, и этот финал... Правильно, угадали — «Монолог» на стихи Цветаевой...

— Вы не говорили в театре, что закон об авторском праве не разрешает производить изменения без согласия авторов?

— Руководство театра живет старыми понятиями, что такое интеллектуальная собственность, здесь не ведают. Прямо дремучесть какая-то, наследие нашего славного прошлого. Иначе я не могу понять, какое право у режиссера вписывать страницы булгаковской прозы в оперу, ведь рядом есть живые авторы.

В декабре 1991 года я приехал из Германии специально для записи фонограммы. Там ставил мой балет «Разбойники» по Шиллеру и проявили интерес к «Белой гвардии». Но с этой вещью я раз и навсегда решил для себя — впервые она будет поставлена только в России. Не знаю — где, кем, когда, но обязательно в России. А дальше — как судьбе угодно. Были же в России меценаты, и я уверен — будут.

— Насколько я могу понять, ваш роман с Театром имени Моссовета не состоялся, но как вам удалось отстоять свои авторские права? Представляется, что это далеко не частный вопрос, а проблема, имеющая большое общественное значение. Пока закон об интеллектуальной собственности не принят, каждый пример такого рода, уверена, надо делать достоянием гласности. Хотя понимаю, что освещение подобных фактов может быть неприятно обеим сторонам.

— Думаю, мне мало что удалось бы сделать в этом направлении, если бы не помощь Российского агентства интеллектуальной собственности. Повезло, конечно, что в неофициальной обстановке довелось поговорить

с тогдашним руководителем РАИСа М. Федотовым. Поскольку это было их прямое дело, они проявили интерес, уведомили театр, что, поскольку нарушаются наши авторские права, мы расторгнем договор. Более того, из РАИСа документы поступили в районный суд, определением которого и был остановлен репетиционный процесс.

— Неужели, после того, как вы заявили, что запрещаете постановку, театр не пытался договориться с вами просто по-человечески?

— За все время нашего, с позволения сказать, сотрудничества режиссер не звонил мне ни разу. Ни он, ни директор не позвонили мне и после нашего конфликта. Видимо, они ожидали, что авторы смиряются и согласятся на все, лишь бы увидеть свое имя в афишах. Больше месяца прошло с начала нашего конфликта, когда я получил письмо из театра, подписанное директором. Вот его начало: «Руководство театра глубоко сожалеет о сложившейся сложной ситуации с выпуском спектакля «Белая гвардия». Однако выполнить ваши требования и прекратить работу сейчас мы не можем, ибо затраты театра уже на сегодня превышают 1,5 миллиона рублей. Списать эти огромные деньги дирекция может только на основании решения суда». Вы знаете, человек, который хочет нормально договориться, такие письма писать не имеет права. Директор говорит, что убытки списывать не будет. Именно после этого письма все мои колебания отпали. Я понял, что любой ценой не допущу, чтобы в этом театре шла моя вещь. И то, что там решили срочно поставить драму «Дни Турбиных», используя костюмы и декорации от моей оперы (вот они, миллионы), наилучшим образом устроило меня и, как я думаю, дирекцию тоже. На следующий день после премьеры П. Хомский улетел в Испанию ставить так полюбившуюся ему «Белую гвардию». В прозе.

— Здесь и была поставлена точка в романе, который столь затянулся? Вы так и разошлись, затаив взаимные обиды? А может быть, Марк Анатольевич, у вас просто вздорный характер, помешавший осуществлению этой работы?

— По отношению к себе мне трудно быть объективным, но, видимо, особенности моего характера не мешают мне сейчас работать над музыкой к 92-му кинофильму, работать с нашими эстрадными «звездами» и иметь кучу друзей. А что касается театра, то в Детском музыкальном у Наталии Ильиничны Сац восемнадцатый год идет моя детская опера «Волшебная музыка» и уже лет пять другая опера «Не буду просить прощения».

— Хотя мы в этом разговоре стараемся употреблять выражения парламентские и оценки строгие и сухие, но нельзя не видеть, что ваша история сугубо булгаковская, гротесковая какая-то, с чертовщинкой.

— Помните, у Булгакова говорится: эта вещь принесет вам много сюрпризов. Уверен, они могут быть плохие или хорошие, но я не только не удивлюсь этим сюрпризам, я просто буду ждать их как должного. Мой «театральный роман» только начинается... И вот вам еще один сюжет из него. Теперь уже про кино.

В апреле прошлого года мне позвонил известный режиссер кино. Сказал, что просит меня встретиться с человеком, который слушал кассету с записью моей оперы и плакал, а теперь нашел много-много миллионов на постановку фильма и будет этим заниматься. Фамилия его Савин, о нем можно прочитать в «Литературной газете» и в «Известиях». Я прочел: вырисовывался образ вроде Саввы Морозова и Саввы Мамонтова, вместе взятых, только еще круче. Ибо только на ноги встает, а уже беспокоится об искусстве и не дает ему заглухнуть. При встрече Валерий Савин просто очаровал меня: умный, интеллигентный, образованный, обаятельный и знакомый с кинопроизводством. И при этом еще с деньгами. Он сказал мне: Марк Анатольевич, вы увидите вашу оперу на экране. Нас окружили любовью и вниманием, возили на «Мерседесах» и поили водкой «Абсолют». Мне сняли дачу и поставили жесткие условия: за месяц с небольшим сделать киновариант и партитуру всего произведения. Это был один из лучших моментов в моей жизни — открытия, счастья, любви, невероятной благодарности к Савину за

его отношение к этой вещи и ко мне...

15 июня работа была готова, но мой меценат исчез, исчез, не попрощавшись, точно так же, как исчез издатель «Черного снега» в «Театральном романе». И тем не менее я благодарен своему работодателю, потому что у меня теперь есть законченная партитура оперы. И все-таки хочу предупредить каждого быть очень внимательным, если на его пути встретится обаятельнейший, чудесный продюсер Валерий Савин.

— Отталкиваясь от слова «продюсер», давайте поговорим с вами о деньгах. Известно: «не продается вдохновение, но можно рукопись продать». То есть та самая интеллектуальная собственность, о которой мы с вами толкуем, стоит денег.

— Нынешняя власть совершенно не дорожит интеллектуальным потенциалом страны. Если профессор консерватории получает меньше любого продавца, меньше девочки-секретарши, если опера стоит сегодня в Министерстве культуры как хорошие женские сапоги, это нормально? Если сегодня не остановить отток мозгов и талантов из страны, это больно ударит через одно-два поколения. Сейчас много говорят о разрушенном генофонде. Очень много говорят и продолжают уничтожать его остатки.

...Мир сегодня другой, чем был во время, описанное в «Белой гвардии». Мы получили свободу сверху и оказались к ней не готовы. Мир сошел с ума, рекою льется кровь, тихая третья мировая война уносит тысячи жизней. Кончается тысячелетие. Не до искусства. Выжить бы. Я понимаю, что нефть для наших руководителей важнее Эрмитажа. Но понимаю также, что пройдет много лет и непомерную цену придется заплатить нашей стране за то, что равнодушно смотрела и смотрит, как тысячи талантов уезжают и будут уезжать из России в чужие земли с сознанием собственной неустойчивости.

Опера моя начинается булгаковскими словами: «ВЕЛИК БЫЛ ГОД И СТРАШЕН ПО РОЖДЕСТВЕ ХРИСТОВОМ 1918...» Измените две последние цифры...

Беседа вел
Т. СЕРГЕЕВА.